

Во время фольклорной практики 1961 г., проходившей в с. Михайловке Тюпского р-на, на восточном берегу Иссык-Куля, студенты Киргизского государственного университета наблюдали остатки исчезнувших обычаев, которые исполнялись 6—7 июля по новому стилю на празднике Ивана Купалы. Ежегодно в начале июля проходит практика в одном из русских сел этого и других районов Иссык-Кульской и Фрунзенской областей и Алтайского края, но ничего подобного до тех пор нигде не встречалось.

Вечером 6 июля, в канун праздника, девочки и мальчики собирали цветы, девочки плели венки и надевали их на голову. С наступлением темноты на улицах развели большие костры, венки бросали в них либо клали на капусту в огородах, чтобы, как пояснили нам иронически, черви в ней не водились; прыгали через костры, веселились около них и играли в прятки до середины ночи. Все это для того, «чтобы у костра согреться».

7 июля, в Иванов день, дети и взрослые обливали водою каждого встречного, купались. Особенно усердно занимались этим дети школьного возраста. По их словам, в прошлые годы у костров бывали и взрослые, а на одной из окраинных, прилегающих к оз. Иссык-Куль улиц они были и 6 июля 1961 г. Мы пришли на указанную улицу в 12-м часу ночи, когда у догоревших костров, видимо, из-за начавшегося дождя уже никого не было. Нам рассказывали, что на каждой улице в 1950-е годы горело по три-четыре костра. Но в этот вечер мы видели не более одного. Дети говорили, что сейчас (т. е. в 1961 г.) у костров скучно, а в прошлые (50-е) годы было интересно: тогда пели всякие песни, плясали, водили хороводы. Несмотря на наши настойчивые просьбы спеть, сплясать или показать, как водят хоровод, дети ничего исполнить не могли, хотя и пытались сделать это с нашей помощью. Никаких обрядовых песен или обрядовых действий, как-то связанных с праздником Ивана Купалы, они не знали.

Михайловский купальский обряд сильно отличается от аналогичных обрядов, существовавших в России и на Украине. Михайловские старожилы, переселившиеся из Харьковской, Киевской, Полтавской, Екатеринославской, Воронежской, Курской губерний в конце XIX — начале XX в. (1891—1892, 1901—1902 гг.), рассказывали нам, как справляли этот праздник на их родине, и сообщили несколько отрывков из купальских песен на смешанном русско-украинском языке.

По их рассказам, к празднику девушки вышивали белым шелком полотняные рубашки. Обычай этот нашел отражение в песне:

Ой у Івана
Дочка Ульяна,
Сидить у садочку
Вышива сорочку...
Ой та, Купало Івана...
Шовком та билею
В пресвяту неділю...
Ой та, Купало Івана...

«Купальские» сорочки одевали только один раз, когда шли в церковь накануне Ивана Купалы. Эти рубашки вечером сжигали на костре или прятали до следующего года.

Вечером под Иванов день молодежь раскладывала крапиву и прыгала через нее. Прыгали также и через костры, а тех, кто боялся, заставляли силой. Нередко парни прыгали с девушками, взявшись за руки. У девушек на головах были венки. Затем шли на берег речки или на мост, купались и пели:

Купаєся Іван,
Доведєця і нам.

А у Івана сестра Анна,
Купала она Івана.
Купався Іван,
Доведеця і нам.
Купався Мусій,
Доведеця усім.
Сьогодні Купала,
Завтра Івана...
Де ж ти, Маринка,
Ночувала?
Вчора Купала,
Сьогодні Івана...
Де ж ти, Маринка,
Ночувала?
— Ночувала во лесочке,
На желтом на песочке,
Спустила гілочку
До долочку...
Де купався Іван,
Там і в воду унал.
Скрізь вода розлигулась,
А на морі хвиля була.
На долину роса упала
На Івана на Купала...
Де ж ти, Маринка, ночувала?

В день Івана Купали брали сноп пшеницы или ржи и готовили из него куклу, на которую надевали платье и венок. Ее «сажали» за стол в красный угол и ставили перед ней угощения, садились за стол и ели. После окончания трапезы куклу топили в реке или сжигали.

Купальский обряд сохранил в себе еще остатки магических воззрений. Он справлялся как раз в период летнего солнцестояния (24 июня по старому стилю), когда буйно развивается растительность от изобилия солнечного света и тепла. Прыгание через костер, купание, обливание водой, сжигание рубашек были отражением древней веры в очистительную силу огня и воды. Человек призывал их на помощь тогда, когда решалась судьба урожая. Обряд с куклой, возложение венков на капусту еще раз подтверждают это.

Михайловский купальский обряд и песни нуждаются в обстоятельных пояснениях. Важно заметить, что кроме известных Івана и Маринки — брата и сестры, по неведению повенчавшихся и превратившихся в цветок с желтыми и синими лепестками (Іван-да-Марья), в песнях фигурируют дочь Івана Ульяна и его сестра Анна.

Сохранение в Михайловке отдельных отзвуков древнего обряда, видимо, объясняется тем, что село находится в стороне от больших проезжих трактов, от города и районного центра. К тому же в нем более устойчивый, чем в других русских и украинских селах Киргизии, состав коренных жителей, переселившихся сюда в 90-е и 900-е годы с Украины и западных губерний России. Кроме того, здесь меньше культурных очагов, и это, несомненно, способствует известной консервации традиционных развлечений.

Примечательно, что годом раньше мы были на практике в старокачаьем селении Николаевке, в 7 км от Михайловки и тоже в стороне от тракта Фрунзе — Пржевальск, однако никаких следов купальского обряда мы там не обнаружили.

* * *

И вот через 19 лет я снова в Михайловке. На этот раз один. 22 июня — выходной день. Я свободен от приема госэкзаменов в Пржевальском пединституте. От Пржевальска до Михайловки рукой подать: 20—25 минут езды. Окраина ее издали видна на высоком исык-куль-

ском берегу. Автобусы ходят туда регулярно, по расписанию. Еду разведать, помнят ли купальский обряд, отмечают его как-то или нет. Прежде чем ехать, разыскал студентов из Михайловки.

Студентка Нина Фомченко из Михайловки и работники деканата, помогавшие мне, заверили меня, что в Михайловке еще отмечают старинные праздники.

Подъезжаю к селу. Кругом большие, хорошо обработанные поля колхоза «Победа». Автобус долго едет по селу. Село большое, население, как мне сказали в автобусе, больше тысячи человек.

Я вышел из автобуса и разговорился со стариком, стоявшим у остановки. Он родился в Михайловке, а отец его приехал из Киева в 1908 г. «Тут есть и полтавские, и харьковские, и воронежские, и курские,— говорит он.— Ехали и в 905, и в 906, и 908 годах. Ехали в разные годы из разных мест». В ответ на мой вопрос он сказал, что в ночь на Ивана Купала жгут костры дети, а взрослые этого уже не делают.

Старушка, с которой я заговорил на главной улице села, рассказала мне, что ее родители приехали с Полтавщины в числе первых поселенцев. Собеседница уверяла меня, что Михайловка недавно отмечала свое столетие. В молодости она тоже праздновала Ивана Купалу. А сейчас, по ее словам, никто уже этот праздник не отмечает. Песни купальские она когда-то знала, но забыла.

Затем я встретил на улице паренька лет 18. Остановил его, объяснил, что меня интересует. Он сказал, что на Ивана Купала раньше, несколько лет назад, «палили» костры на многих улицах. «А сейчас на главных улицах „палить“ не разрешают. Подальше от центра, на окраинах, за ул. Пржевальского, „палят“. „Палили“ и в прошлом году, и в этом будут „палить“. Этим больше девочки занимаются».

Прошел я по нескольким улицам — с трудом узнаю село и школу. Многое обновилось. Улицы, дворы, огороды ухожены. Высокие и стройные тополя, вербы, «журавли» у колодцев, широкие улицы. Село внешним обликом напоминает русские и украинские села.

Два мальчика и девочка лет 12 тоже сказали, что на Ивана Купала «палили» костры и будут «палить». Девочки наденут венки, а потом побросают их в воду.

— А зачем?

— Не знаем.

— А что делаете у костров?

— А сидим.

— А не поете, не прыгаете через огонь?

— Нет.

Подошел отец одного из мальчиков. Он посоветовал мне приехать в Михайловку 6 июля вечером. В деканате меня убеждали ехать 5 июля: работникам деканата михайловские студенты якобы говорили, что костры будут жечь в субботу, а не в воскресенье. Точно купальской ночи не придерживаются.

На следующий день студенты четвертого курса сообщили мне, что в прошлогоднюю купальскую ночь на улицах районного центра Тюпа мужчины и женщины ставили столы с угощением. Сами угощались, угощали других, разжигали костры, гуляли около них, ходили, беседовали, отдыхали¹. Студентка Князева рассказала со слов своей бабушки, что года три назад в с. Теплоключенке Ак-Суйского р-на Иссык-Кульской обл., в 12 км от Пржевальска, Ивана Купала отмечали так: вечером 6 июля молодые люди плели венки из чебреца, опускали их в арык (там нанизывали их на воткнутый кол или еще на что-нибудь, чтобы не унесло водой). На другой день надевали венки на голову. Кто без венка, того обливали водой. Затем венки несли в огород клали их на те овощи, которые хуже росли.

В Нововознесенке Джамбульской обл. Казахстана, по рассказам другой студентки четвертого курса, в купальскую ночь тоже жгут

¹ В 1981 г. эти сведения подтвердили учителя и жители с. Тюпа.

Рис. 1. Костер на ул. Кирова

костры, а на следующий день обливают друг друга водой. Обычай обливания, по свидетельству студентов, существует и в других русских селениях.

Все эти сведения позволяют сделать вывод о том, что купальский обряд уходит из жизни в разных местах по-разному.

Работники деканата выявили михайловцев и на других курсах заочного отделения. Меня познакомили со студенткой второго курса литфака Наташей Забелиной и ее мужем — студентом третьего курса того же факультета Александром Кондратко, которые пригласили меня к себе на купальскую ночь. 6 июля, в восьмом часу вечера, они привезли меня на своем мотоцикле в Михайловку. Оставив жену дома, Саша на своем «Урале» перед самым закатом солнца повез меня по улицам. На ул. Дзержинского, расположенной на западной окраине села, где живет пригласившая меня

молодая чета, никаких признаков подготовки к купальской ночи не было. Мы проехали по всем улицам села из конца в конец туда и обратно. Без мотоцикла я смог бы пройти лишь по двум трем улицам: расстояние между ними большое; индивидуальные участки по 30—50 соток примыкают огородами друг к другу, а домами выходят на противоположные улицы. По-видимому, в 1961 г. мы увидели меньше, чем могли.

Посреди ул. Кирова был приготовлен из хвороста 3-метровой высоты шалаш для костра, увешанный многими, большей частью квадратными бумажками (рис. 1). Около него гуляли девочки и мальчики. У заборов на скамеечках сидели взрослые. Мы остановились в 5 м, и я стал фотографировать этот шалаш для костра и его устроителей.

На северном конце ул. Советской, около большого арыка, мы увидели кучу хвороста и на нем две старых автомобильных покрышки (рис. 2). От ближайшего дома к нам подошла женщина. Она оказалась теткой Саши и сообщила, что, как стемнеет, здесь разведут костер, что теперь уже венки не носят в огород и что завтра дети будут обливать друг друга водой, а взрослые теперь «обижаются», когда их обливают.

На других улицах мы видели по три-четыре покрышки, сложенных одна на другую, дрова, подростков, молодежь и взрослых, дожидаящихся пока стемнеет.

Наконец, наступила темная, тихая, теплая ночь, и мы снова поехали по селу. На ул. Дзержинского, где живет Саша, ни одного костра не было. На соседней ул. Кирова мы увидели три костра (кстати, в 1961 г. я был на этой улице и тогда там видел только один костер). Около них были подростки, дети, поодаль у забора сидели взрослые. У одной девушки на голове был венок из ромашек. У другого костра мы увидели девушку лет 16 с венком из гвоздик. У ворот сидели люди. Когда мы подъехали, девушка сняла венок, платье и, оставшись в купальном костюме, легла на разостланное у костра ватное одеяло. К ней подошла девочка в таком же костюме, и они стали показывать акробатические номера.

На ул. Пушкина было четыре костра, на Советской — два. Около одного из них собралось человек 100. Там были дети, взрослые и пожилые люди. Звучали гитара и баян. Один парень лил из ведра в огонь

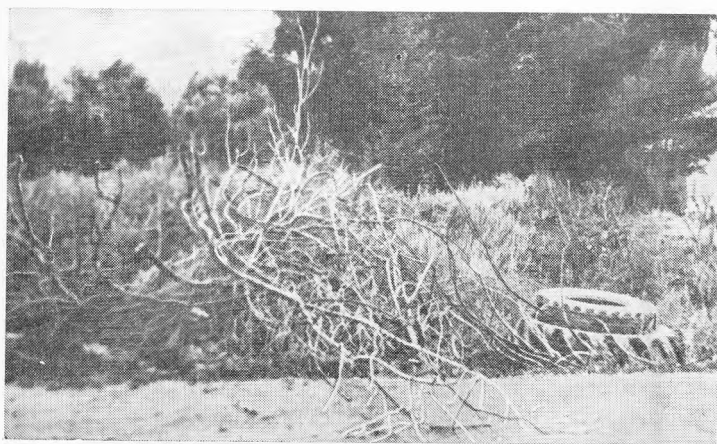

Рис. 2. Костер на ул. Советской

солярку. Дымящие покрывки ярко вспыхивали, взметая снопы искр высоко в небо. Я спросил, что они будут делать у костра.

— А вот посидим, поиграем и пойдем домой.

— А через костер не прыгаете?

Один парень тут же перепрыгнул через костер.

— А цветок папоротника не идете искать в 12 часов ночи?

— Нет.

На ул. Шевченко, центральной улице села, где якобы запрещают жечь костры, мы видели один костер на незаасфальтированном южном конце улицы, у самого обрыва над Иссык-Кулем. На ул. Ленина было три костра; на ул. Пржевальского — девять огромных костров. У двух из них были компании с баянами, девушки с венками на головах. И там в огонь подливали солярку.

На ул. Калинина тоже пылало девять костров. Горели кучи покрывок, а в одном костре — толстые выкорчеванные и высохшие уже стволы старых яблонь. Площадь костра была не меньше 5 м в диаметре. У двух костров стояли столы с вином и угощением. Мы подъехали к компании побольше, где было человек 30. Веселье только начиналось. Немного захмелевшие мужчины обступили мотоцикл. Завязался долгий разговор. В это время женщины пели русские и украинские песни. Сначала сидевшие за столом пели о молодом трактористе. Кажется, это местная песня. Я ее не слышал. Затем они пропели «Ой, мороз мороз». Беседа и песни продолжались.

— И часто вы вот так собираетесь? — спросил я.

— Раз в год.

— Ну а на пасху, на 1 Мая, на троицу и на другие праздники на улицах столы не ставите?

— Нет, только на Ивана Купала.

— И давно?

— Да вот я родился здесь, мне 52 года. И сколько я помню, каждый год вот так гуляют на нашей улице.

— А почему на других улицах костров нет и столов?

— Там больше приезжих. А мы живем здесь давно, знаем друг друга, вот и собираемся.

— А если откровенно, то собираетесь ради Ивана Купала или чтобы погулять?

— Просто мне вот интересно с кумом выпить, поговорить, соседей повидать, побыть вместе, отдохнуть.

— А кого на этой улице больше — украинцев или русских?

— А так и так.

Я переходил на украинскую речь, но со мной продолжали говорить по-русски.

— А откуда сюда приехали старожилы?

— Отовсюду. Много понаехало и в 30-е годы, и после войны.

Позже мне Саша говорил, что на двух улицах, где больше всего горело костров, живут старожилы русские и украинцы, в большинстве обрусевшие.

— Ну а завтра будете обливать водой друг друга? — спросил я своего собеседника.

— А как же!

Около 11 часов мы, ожидая конца гуляний, поехали дальше. На последней ул. Восточной костров не было. Мы проехали еще раз мимо всех костров и насчитали их 31. Они ярко освещали село. Из ночной темноты на ул. Восточной село казалось в зареве пожаров. Я не ожидал такого зрелища, радовался ему и досадовал, что кончилась пленка. Удивлен был и Саша. Он хоть и житель этого села, но первый раз видит такое. Ведь на их улице такого не бывает.

Некоторые костры в 11-м часу ночи стали догорать, кое-где (на ул. Кирова) тлели угли. Это были костры из хвороста. У костров становилось все меньше людей. Парень и девушка сгребали угли и головешки, чтобы увеличить пламя. Они остались одни. Люди еще гуляли только у больших костров, где горели покрышки и бревна. По улицам ходили компании парней с девушками.

Ничего магического, суеверного в купальском обряде не осталось. При желании его можно превратить в яркое, веселое, запоминающееся зрелище, как это сделали с древним праздником масленицы, преобразив ее в праздник русской зимы.

И. А. Шерстюк